

УДК 1(091):316.3

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.1.169

Городские легенды как элемент современной мифологии: социально-философский анализ

Н.Н. Равочкин***, П.Н. Рвалов*, Р.А. Юрьев***

* ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет
имени Т.Ф. Горбачева», г. Кемерово

** ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный аграрный университет
имени В.Н. Полецкого», г. Кемерово

*** ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский
государственный университет» г. Томск

В современном мире в условиях увеличения массива информации невозможно не учитывать переплетение мифов, слухов и историй, которые передаются из уст в уста и, проходя через фильтры восприятия, обрастая деталями и интерпретациями, становятся частью культурного ландшафта городов. Сущность городских легенд делает их заслуживающим внимания объектов анализа, позволяя углубиться в различные аспекты человеческого существования. Богатый интерпретативный потенциал, которым обладают городские легенды, обуславливает значимость комплексного рассмотрения взаимовлияния, которое происходит в конкретных эмпирических контекстах. В связи с прагматикой современного социально-философского поиска городские легенды также служат каналом для обсуждения норм, представляя собой способ пересмотра и осмысления границ допустимого в обществе. Настоящая статья посвящена анализу городских легенд. Авторы рассматривают заявленный объект с различных исследовательских позиций, делая акцент на его смыслообразующих характеристиках. Приведены примеры непосредственного воздействия городских легенд, способствующих подрыву традиционных структур и принятию множественных трактовок реальности и появлению нескольких культурных идентичностей. Отмечена высокая значимость и перспективность контекстуального рассмотрения проблематики. В заключение подведены исследования.

Ключевые слова: городская легенда, культура, мифология, история, норма, ценности, практики, быт.

Проблематизация сущности и форм реализации уличных легенд имеет сравнительно молодую историю. Так, в научной литературе, посвященной данной проблематике, установлено, что сам феномен современной культуры и урбанистики имеет в первую очередь зарубежное происхождение, для отечественного исследования он является заимствованным, привнесенным извне [7; 8]. На уровне использования термина, «уличные легенды» как понятие в научной литературе отождествляется с термином «городские легенды». Однако в дальнейшем на терминологическом уровне возникло дополнение, выраженное в использовании словосочетания «го-

родской миф». Однако следует заметить, что содержательный анализ используемых терминов позволил установить тождественность данных понятий, отсутствие расхождений в их признаках.

Также следует отметить, что на уровне философского, равно как и общенаучного исследования городские легенды длительное время не являлись предметом изучения по причине обыденности и повседневности использования, что до определенного времени не представляло большой ценности для ученых [1]. Однако во второй половине XX в. городские (они же уличные) легенды стали предметом прямого изучения в достаточно узких кругах, в частности – среди фольклористов.

По началу данному социальному феномену придавались признаки мифов, сказок, слухов, что роднило городские легенды именно этим феноменам коллективного бытия и определяло соответствующее к ним отношение. Поэтому имеет смысл отметить достаточно негативную коннотацию о легендах в значении «миф», которое имеет трактовку как нечто неправдивое, вымышленное. Тем не менее, в рамках понимания уличных (городских) легенд как социального феномена это может быть элиминировано из системы исследования.

Далее, важным и ценным следует считать факт разделения на городское и не-городское пространства в понимании изучаемого нами феномена. Мотив присвоения тем или иным легендам статуса именно «городских» связывается не с местоположением, с которыми они связаны (исключительно урбанистская среда), а с временным и культурным значением, которое определяется [9]. Речь идет о том, что город суть новый этап развития социокультурной системы, в которой именно урбанистская среда определяет вектор становления интеллектуальной среды, в которой формируются и трансформируются те или иные легенды. С другой стороны, поскольку термин «urban» не имеет научного и оттого определенного значения, некоторые исследователи трактуют соответствующие легенды как «современные» и используют англоязычное понятие «contemporary legend», которое обладает тем же самым набором признаков.

В русскоязычных работах исследования городских легенд отсутствовали вплоть до 80-х гг. XX в. Это было связано с двумя важными причинами. Одна из них состоит в предмете изучения: таковым признавались результаты устного творчества именно в деревенских условиях, но никак не городских. Другая причина состояла в требовании определенного образования, который был необходим для формирования устного творчества и литературы. В XX в. в отечественной науке, изучающей городские легенды, отмечается эволюция от легенды традиционного типа до ее современных форм и способов существования [3].

В научной литературе отмечается трудность в понимании и изучении природы городских легенд. Ученые до сих пор ведут дискуссии по вопросу содержания понятия, описывающего совокупность предметов, которые следует отнести к данным историям. Так, А.С. Архипова и А.А. Кирзюк [3] вы-

сказывают положение о том, что городские легенды суть ложные истории, которые кажутся правдоподобными для рассказчика и/или слушателя. При этом информация, которая содержится в городских легендах и с их помощью транслируется, подтверждается не фактами, а социальными авторитетами. В другой работе отмечается, что данный интеллектуальный и общественный феномен суть «неформульные фольклорные нарративы, имеющие установку на достоверность» [5, с. 21]. Полагается, что такие легенды сами по себе не имеют фактического подтверждения, однако выступают в качестве рассказов о событиях, претендующих на универсальность. В представленном понимании городских легенд принципиальным оказывается именно нарративность, т. е. рассказ, который обладает частным содержанием, но претендует на общее применение в результате использования множеством слушающих в их повседневных практиках.

Так же заметим, что городская легенда как нарратив не имеет устойчивой текстовой структуры, формальных структурных элементов (начала, конца и прочего), а также сложной развитой формы. Формой распространения городской легенды следует считать устную речь, хотя в некоторых случаях могут быть использованы другие способы и формы подачи и трансляции, такие как анекдот или слух. Кроме того, важным остается контекст трансляции городской легенды, выраженный различными формами: начиная от новостного репортажа и заканчивая застольной дискуссией.

В этой системе коллективного миропонимания ключевым является изображение возможной или реальной ситуации. Рассказчик и аудитория должны быть связаны с ней теснейшим образом, что и делает городские легенды схожими с описаниями реальных событий. Опираясь на данную логику, А.А. Кирзюк отмечает, что городская легенда «(1) не имеет четких формальных свойств; (2) способна встраиваться в разные типы дискурса и передаваться по разным каналам коммуникации; (3) события, о которых она рассказывает, касаются знакомых аудитории реалий; (4) она воспроизводится с установкой на достоверность» [5, с. 25].

Также следует отличать городские легенды от слухов, которые по своей природе представляют собой такой же неформальный нарратив. Однако ученые, проводящие анализ важных свойств данных интеллектуальных конструкций, полагают существование двух принципиальных оснований различия легенд и слухов. К таковым необходимо отнести:

- сложность легенд. Слух по своей структуре – короткий нарратив, не имеющий сложной повествовательной структуры, бессюжетное сообщение, единица информация. Именно на этом основании имеет смысл говорить о том, что слух суть протолегенда;
- легенды касаются анонимных персонажей, тогда как слухи направлены против конкретных людей.

Однако вне зависимости от наличия или отсутствия таких свойств, легенда способна влиять на поведение людей путем создания определен-

ного интеллектуального конструкта, содержащего в себе оценочные суждения как мотиваторы действия субъекта.

Отметим, что в научной литературе изучается вопрос о социальных предпосылках возникновения, формирования и развития городских легенд. Так, М.А. Тумаева высказывает предположение о том, что «социальными предпосылками появления городских легенд являются страхи и надежды людей, вызванные потрясениями и кардинальными переменами, происходящими в обществе, а также необходимость человека в опоре, или “системе координат” в подобные переломные года» [13, с. 292]. Равно как и любая историческая форма мировоззрения, городские легенды, будучи выражением мифологического отношения к миропознанию, определяет вектор становления представлений о допустимости или недопустимости тех или иных форм поведения, способов существования.

Именно факт «переломных событий» формирует коммуникационную природу городских легенд, выраженную в наличии «спрятанного» в легенде «сообщения», которое транслируется обществом неосознанно. Следует согласиться с зарубежными исследователями, которые утверждают, что изучение «скрытых посланий» дает возможность многое узнать о городской культуре и социальной реальности в периоды творения самих городских легенд. Здесь важно понимать, что сама природа такого феномена общественной действительности двойственна. Одна ее сторона отражается в совокупности коммуникационных практик, в которых транслируется информация о правильных и социально одобряемых моделях поведения. Такие принципы и способы трансляции закреплены в природе любой социальной практики, в том числе интеллектуальных конструктах, городских легендах как виде таковых. Другая сторона легенд определяется спецификой именно мифологического дискурса, в котором иррациональная часть, вера в сверхъестественное закрепляется как самоценное.

Иррациональная природа городских легенд создает представления о приоритетах на определенных этапах развития тех или иных обществ. В свою очередь, коммуникативная природа позволяет диагностировать состояние социальных систем. Анализ ряда легенд позволил М.А. Тумаевой сделать вывод о том, что «войны порождают легенды о храбрецах и справедливых правителях, голод и эпидемии – легенды о ведьмах или правительственном заговоре, репрессии – легенды, основанные на страхе перед властью, революции – легенды о мировом и правительственном заговоре. Жизнь общества порождает самые разные легенды, которые свидетельствует прежде всего о том, что культура остается здоровой, несмотря на все потрясения» [13, с. 293]. Все это делает обоснованным положение о необходимости использования городских легенд как отражения социально значимых проблем, формы поиска их решений, регулятора общественного мнения, а также пространства, в которых сохраняются и распространяются смысложизненные ориентиры больших социальных группы.

Содержание таких легенд совершенно различен и порой приобретает нравоучительный характер. Так, группа «легенд о здоровье» содержит в себе сообщение о необычных паразитах, вредоносных медицинских процедурах, скрытых формах заболевания и так далее. Интересным примером могли бы служить классические horror stories, которые включают в себя описания контактов с паранормальными явлениями и прочих потусторонних силах.

Близким можно считать понимание городских легенд Ю.С. Ланской, которая трактует данный социальный и интеллектуальный феномен как устный рассказ, который имеет коллективную природу, чей предмет состоит в описании необычных событий, наблюдаемых в повседневности, и имеют установку на достоверность. При этом степень достоверности, как полагают иные исследователи, зависит исключительно от деталей описания и степени «проработанности» текста историй и городских легенд. И.А. Осенев, продолжая представленную логику, указывает, что «городские легенды передаются как истории конкретные, произошедшие в определенном месте с определенными людьми, и тематически они сосредоточены преимущественно на жизни современного города или пригородной зоны» [11, с. 105]. Как следствие, возникает основание для подтверждения достоверности нарративов в форме отсылки к детализации рассказа.

Т.А. Новичкова дополняет понимание сущности городских легенд через введение принципа сенсационности сообщения: они суть «безавторское повествование, бытующее в индустриализованном обществе как более или менее достоверный рассказ, передаваемый изустно с целью вызвать сенсацию, поразить и рассчитанный на серьезное восприятие» [10, с. 218–219]. Отмечается принципиальное отличие городских легенд как рассказов от традиционных форм мифологического мировоззрения через указание на его урбанистическую природу и, как следствие, формирование исключительно в современной социальной среде.

Кроме того, ценной оказывается именно сенсационность сообщения, что предполагает создание образа актуальности, пусть и на определенный промежуток времени. Данный принцип позволяет говорить о темпоральной природе городских легенд, ориентированных в том числе на выполнение определенных, заранее заданных функций (например, формирование так называемого «хайпа» вокруг тех или иных событий). Как следствие, возникает не только мировоззренческий, но и функциональный аспект городских легенд, в которых отражается их двойственная природа. Одна часть (та, что характеризует легенды как форму мировоззрения) сближает их с мифологическим миропониманием и позволяет реализовать каждому конкретному человеку потребность в формировании мировоззрения, создавая необходимые ориентации в мире и социальной среде. Другая часть трактуется как та, что дает основание сформировать функциональную связь описываемого события в жизни социальной и персональной судьбы.

В этом отношении близкой следует считать позицию А.В. Колистратовой, для которой городская легенда представляет собой

рассказ нового поколения, который содержит элемент объективной действительности или исторически детерминированные фольклорные знаки, которые были адаптированы под функционал или нужны конкретной социальной группы. Цель такой адаптации заключается в придании семиотической значимости в рамках единого социокультурного контекста [6, с. 135].

Реализуется функционально-семиотический подход к сущности городских легенд, состоящий в том, что последние рассматриваются как система знаков, значения и смыслов, которые выполняют функционально-мировоззренческое действие. Производится разделение на доиндустриальное (деревенское) и индустриальное (городское), позволяющее обособить урбанизированную культуру от традиционной (сельской). Кроме того, появляется возможность указать на процесс эволюционного перехода от традиций к городскому миропониманию, а также определить ценностное отношение к каждому из фундаментальных оснований, периодов такого перехода.

Городская легенда, будучи элементом повседневного бытия, обладает рядом признаков, роднящих ее с различными формами мифологического миропонимания, которые, однако, дополняются функционалом переживания бытия человека в модернистском и постмодернистском мире. Так, ученые предполагают, что городская легенда близка по своей природе народному «собрату». Речь идет о том, что у обоих видов легенд предмет описания так или иначе связывается с актуальной господствующей религиозностью. Полагается существование героев, различных сил, которые кажутся субъектам, воспринимающим и транслирующим городские (равно как и народные) легенды, в качестве правдоподобных. Сама механика мышления и трактовки таких легенд основаны на единых механизмах мышления и восприятия человеком самого себя в мире. Более того, утрата веры в такие принципы становится основанием для нивелирования влияния городских (и прочих) легенд вплоть до их исключения из системы мировоззрения.

Далее, функциональное восприятие человеком городских легенд предполагает выполнение воспитательной функции, в которой через трансляцию подобных легенд реализуется возможность передачи житейского и нравственного опыта из поколения в поколение. Через выполнение определенных нравственных функций городские легенды получают возможность транслировать нормативные основания современных обществ и целых культур.

Городская легенда по своей природе близка демонологическим рассказам, среди которых имеет смысл выделить былички и бывальщины. Различие между ними состоит в источнике угроз, о которых идет речь в рассказах. Если в традиционных быличках и бывальщине источник угроз – природные факторы, понимание которых при традиционном (деревенском или сельском) укладе едва ли представляется возможным, то в городских легендах источником опасности выступает человек как Другой. Однако следует заметить, что механику функционирования легенд вполне можно считать традиционной и определенной.

Кроме того, городские легенды по своей структуре имеют вполне традиционный механизм функционирования: речь идет об устном предании, в котором изображается повседневная действительность в достоверном виде с применением художественного вымысла. В этом отношении тексты городских легенд сродни традиционным преданиям, в которых закрепляется и сохраняется национальное прошлое, освещается история происхождения конкретных мест, прошлого городов. Как следствие, городские легенды суть основание формирования целой культуры, в которой определяется жанровая определенность в системе городских легенд.

В данном контексте значимым представляется тот факт, что городские легенды, будучи элементом современной мифологии, формируют целое поле для описания множества событий, которые являются элементами одного и того же культурного пространства. Ряд мотивов, которые свойственны для мифотворчества, характерны и для городской легенды, определяют ее функционирование.

Так, мотив проклятого места определяет возможность описания и практической реализации принципа транслирования коллективного культурного опыта, различных форм социализации и воспитания. На примере ряда исследований традиционных форм мифотворчества Е.А. Сафрон указывает, что существует культурная традиция, которая передается в системе символической реальности (например, – в образе ключа, передаваемого от матери к дочери) [12, с. 143]. Существующие образы, среди которых – проклятое место или проклятый предмет, в невербальной, но знаковой форме транслируют накопленный социальный опыт.

Одновременно с этим транслируемый из поколения в поколение опыт переходит за счет использования механизмов нормативного закрепления правил поведения. Имеющиеся образы по нарушению таких требований выражаются в мотиве преодоления препятствия и испытания страхом: запретные модели поведения с одной стороны определяют границы нормального (т. е. социально приемлемого) поведения, а с другой – осознание и практическую реализацию процесса социализации, становления личностного в человеке через преодоление страшных действий и самих имеющихся запретов.

Кроме того, в рамках городских легенд как элемента современной мифологии формируется представление о дихотомии «свой – чужой», что выражено в противостоянии «своего» как положительно окрашенного персонажа, обладающего позитивной функцией и интеллектуально-нравственной окрашенностью, и «чужого», определяемого негативными коннотациями. Разделение мира в соответствии с представленными положениями формирует представления у человека о социально приемлемых и полезных ориентациях.

Как следствие, в научных трудах возникает утверждение о том, что «свое» как освоенное пространство города обладает интересными и ценными ресурсами, в которых «чужие» сверхъестественные силы макси-

мально «свои»). Имеется в виду, что они принадлежат тому же городскому пространству, что и совокупность полезных и «добрых» жителей города. Принцип деления на «своих», как хороших, полезных и «чужих», как злых и опасных, сводится, таким образом, к наличию сверхъестественных способностей, тех, которые превосходят способности «обычного», повседневного человека. По этой причине многие авторы, изучающие сущность и формы проявления городских легенд, «также нередко используют данный персонаж, различными способами обыгрывая тему конфликта колдунов с обычными людьми, рядовыми обывателями. Тот факт, что победа может достаться как одной, так и другой стороне, подчеркивает принципиальную неразрешимость противоборства Добра и Зла» [12, с. 146]. Как следствие, мы видим, что сама идея городских легенд как формы проявления фэнтези, мифов, определяет не только и не столько социальное отражение актуальных социальных реалий, сколько позволяет сформировать ценностное и нормативное отражение мифологической реальности.

Это имеет эвристическую перспективу, поскольку изучение сущности, функционала и форм выражения городских легенд может позволить сформировать целостное влияние на создание урбанизированного пространства, причем не только физического ландшафта, но и интеллектуальных конструкций, как представлений о коллективной и персональной самоидентификации современных людей.

Следует согласиться с утверждением Е.А. Бородиной, для которой городские легенды имеют антропологическую природу [4]. Смысл такого сильного утверждения заключается в том, что формирование городских легенд связывается с производством культурных пространств, отражающих в той или иной степени устремления и потребности людей, участвующих в общественно значимых процессах. Более того, существенным следует считать положение о принципиальной значимости «специализации» города (мегаполисы, наукограды, курорты и прочие функции), которые определяют функционирование городской среды. Частично именно эти образы и среды создают, конструируют городские легенды, каждая из которых оказывается производной, продуцированной исторической, функциональной, равно как любой другой средой.

Кроме того, значимым становится тот факт, что «крупные города усиливают культурное многообразие за счет полиэтнической структуры населения. Доминирование промышленного, а затем и обслуживающего производства порождает сложную совокупность примыкающих сфер деятельности – образования, здравоохранения, торговли, досуга, меняя вовлеченных в них профессионалов и потребителей» [4, с. 84]. Стирание этнической уникальности на фоне индустриальной культуры усиливает процессы этнической самоидентификации, что в конечном счете провоцирует обращение к мифологической традиции, в том числе к городским легендам. Как результат, город дает право человеку выбирать свою мифологию в форме стратегий социально и культурного поведения. Одновременно с

этим повседневные культурные практики и предметы городского быта (в том числе коммуникационные системы, концентрация людей, любые другие факторы) создают особую среду урбанизированного пространства, которое в последствие и обрастает городскими легендами.

Человек же, проживая в индивидуализированном общественном пространстве, вынужден разделять его с другими, что приводит к двум взаимодополняющим тенденциям [2]. Одна из них связывается с наличием частного пространства, которое определяет фиксацию и воспроизводство персональных мифологем, в том числе городских легенд. Другая связывается с культурными влияниями общесоциальных тенденций, подчиняя городские легенды общим тенденциям. На стыке этих двух начал формируется антропологическое измерение городских легенд как социального феномена.

В целом же можно говорить о том, что городские легенды представляют собой феномен современного социального пространства. Их природа близка мифологическому миропониманию, однако существует ряд свойств, определяющих данные легенды в качестве современных версий мифологического пространства. Важным представляется отделение городских легенд от слухов, историй и иных близких по значению феноменов. По своему содержанию легенды могут быть категорированы в качестве нарративов, имеющих смыслообразующие характеристики. Именно здесь формируются как индивидуальные, так и коллективные представления о моделях поведения и их значении в кризисные периоды жизни общества и отдельного человека. Городские легенды имеют антропологическую природу, поскольку в своем выражении представляют собой отражение способов существования человека, его персональной и коллективной идентификации, в частности – этнической и общесоциальной.

Список литературы

1. Анисимов Н.О., Туркина В.Г., Калинина Г.Н. Город и миф // Наука. Искусство. Культура. 2023. № 2 (38). С. 18–34.
2. Архипова А.С., Радченко Д.А. О неизбежности городской легенды в нашей жизни // Фольклор и антропология города. 2018. Т. 1, № 1. С. 14–17.
3. Архипова А.С., Кирзюк А.А. Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 536 с.
4. Бородина Е.А. Антропологический фон современной городской мифологии // Культурная жизнь Юга России. 2019. № 4 (75). С. 83–87.
5. Кирзюк А.А. Сюжет – это симптом? Как фольклористы изучают городские легенды // Фольклор и антропология города. 2018. Т. 1, № 1. С. 20–43.
6. Колистратова А.В. О некоторых особенностях современного фольклорного дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. Т. 1, № 17. С. 134–140.
7. Мазалова Н.Е. «Нева – главный проспект Петербурга»: современные мифологические представления горожан (часть 1) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 6. С. 104–111.

8. Мазалова Н.Е. «Нева – главный проспект Петербурга»: современные мифологические представления горожан (часть 2) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 1. С. 88–97.
9. Никулина Ю.В. Урбанизационные процессы в контексте системной трансформации общества // Социологический альманах. 2010. № 1. С. 270–275.
10. Новичкова Т.А. Фольклор и современность. Городские легенды, слухи, толки и суеверия // Эпос и миф. СПб.: Наука, 2001. С.215–235.
11. Осенев И.А. Содержание понятия «городская легенда» и его связь с фольклорной традицией // Homo Dicens–2023. Сб. науч. ст. по матер. Междунар. цифровой студенческой науч. конф. М.: МГПУ, 2023. С. 102–113.
12. Сафрон Е.А. Жанр городской легенды как один из элементов городской поэтики городского фэнтези // Филология и человек. 2017. № 3. С. 139–147.
13. Тумаева М.А. Социальные предпосылки появления городских легенд // Вопросы развития современной науки и техники. Мельбурн, 2021. С. 285–293.

Conceptual views on the problem of socio-cultural dynamics

N.N. Ravochkin*, P.N. Rvalov*, R.A. Yuriev*****

* Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo

** Kuzbass State Agricultural University named after V.N. Poletskov, Kemerovo

*** National Research Tomsk State University, Tomsk

In the modern world, in the context of an increasing array of information, it is impossible not to take into account the interweaving of myths, rumors and stories that are passed from mouth to mouth and, passing through the filters of perception, acquiring details and interpretations, become part of the cultural landscape of cities. The essence of urban legends makes them worthy of attention as objects of analysis, allowing us to delve into various aspects of human existence. The rich interpretative potential of urban legends determines the significance of a comprehensive consideration of the mutual influence that occurs in specific empirical contexts. In connection with the pragmatics of modern socio-philosophical search, urban legends also serve as a channel for discussing norms, representing a way of revising and comprehending the boundaries of what is acceptable in society. This article is devoted to the analysis of urban legends. The authors consider the declared object from various research positions, focusing on its meaning-forming characteristics. Examples of the direct impact of urban legends are given, contributing to the undermining of traditional structures and the acceptance of multiple interpretations of reality and the emergence of several cultural identities. The high significance and prospects of contextual consideration of the problematic are noted. In conclusion, the research is summarized.

Keywords: *urban legend, culture, mythology, history, norm, values, practices, everyday life.*

Об авторах:

РАВОЧКИН Никита Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева»; профессор кафедры педагогических технологий ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого», г. Кемерово. E-mail: nickravochkin@mail.ru

РВАЛОВ Павел Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук ФГБОУ ВО «Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева», г. Кемерово. E-mail: rvalovpn@kuzstu.ru

ЮРЬЕВ Роман Александрович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории философии и логики ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», г. Томск. E-mail: yuriev2003@mail.ru

Authors information:

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich – PhD (Philosophical Sciences), associate professor, professor of history, philosophy and social sciences dept., Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev; professor of pedagogical technologies dept., Kuzbass state agricultural university named after V.N. Poletskov. E-mail: nickravochkin@mail.ru

RVALOV Pavel Nikolaevich – PhD (Philosophical Sciences), associate professor of history, philosophy and social sciences dept., Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev. E-mail: rvalovpn@kuzstu.ru

YURIEV Roman Alexandrovich – PhD (Philosophical Sciences), associate professor, associate professor of history of philosophy and logic dept., National research Tomsk state university. E-mail: yuriev2003@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.01.2025.
Дата принятия рукописи в печать: 12.02.2025.